

СКАНДИНАВСКИЙ КРЕСТЬЯНИН В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ XIX в.

Интерес в России к Швеции и Норвегии во второй половине XIX в. был вызван произведениями всемирно известных писателей Г. Ибсена, Ю.А. Стриндберга, музыкой Э. Грига, достижениями науки и техники в этих странах. Швеция и Норвегия в тот период представляли собой единое королевство, но в каждой из стран был свой парламент, различные языки (шведский и норвежский), входившие в группу германских языков. Население общалось на диалектах, присущих различным районам стран. Основу общества составляли крестьяне, корни ряда семей которых уходили во времена средневековья. На протяжении всей истории крестьяне-землевладельцы были свободными, участвовали в общественной жизни. Но социальное и экономическое положение крестьянского населения как в Швеции, так и в Норвегии было различным.

При подготовке данной статьи автор из 35 проработанных статей, опубликованных в российских газетах и журналах, отображающих различные аспекты жизни этих двух стран, выбрала семь. В этих статьях дан широкий обзор истории, политического и экономического состояния, показаны жизнь и быт различных слоев крестьянства этих скандинавских стран, а также уровень их образования крестьянских в конце XIX в.

И Швеция, и Норвегия считались сельскохозяйственными странами. В Швеции из общего числа жителей 4 578 901 земледельцев было 3 млн, в Норвегии на 1 916 000 жителей насчитывался 1 млн земледельцев [Страна полуночного солнца... 1883. № 2: 515]. Землевладение в Швеции было частным. Переход к нему от общинного произошел мирным путем. Деревни в пять, десять, пятнадцать хозяйств распались на частные усадьбы [Португалов 1884: 1133]. В Норвегии законами от 1857 и 1863 гг. был положен конец общинному хозяйствованию на земле и введено частное землепользование [Там же: 1135].

В хозяйстве землевладельца-бонда было два вида работников: наемный работник и так называемые торпар в Швеции и хусман в Норвегии. Последний слой земледельцев-работников был самым оригинальным и самобытным явлением в жизни народов этих стран. На окраине участка бонда, по углам усадьбы стояли скромные домики, в которых проживали торпары в Швеции и хусманы в Норвегии. Они получали от хозяина кусок земли для возделывания картофеля. Своей скотины, как правило, у них не было, вознаграждение за работу получали деньгами или натурой. Эти крестьяне были обязаны работать на хозяина три-четыре дня в неделю и полностью ему подчиняться. Они не имели избирательного права. Этот порядок в российской печати был назван «барщиной».

Далее читаем: «Перед нами довольно стройный, систематически законченный аграрный порядок, не возбуждающий ни в ком сомнения и с виду как бы удовлетворяющий всех и каждого, но неизвестно, как к этому относятся торпари в Швеции и хусманы в Норвегии» [Там же: 1136].

Наемный работник в усадьбе бонда представлял иной вид помощника, об условиях жизни которого подробно написано в статье А.Р. Черепова из города Горки Могилевской губернии. Последний поставил перед собой задачу ознако-

мить лиц, заинтересованных судьбами русского земледелия, с сельскохозяйственным промыслом высококультурной страны Норвегии. По его данным, в 1892 г. из двух миллионов жителей Норвегии $\frac{3}{4}$ населения было рассеяно по всей территории, по хуторам, принадлежащим собственникам земли [Черепов 1894: 203]. В статье приводятся очень подробные данные о развитии скотоводства, садоводства, огородничества, молочного хозяйства. Часть публикации посвящена условиям жизни наемного работника-скотника в усадьбе землевладельца на хуторе Гортен в провинции Телемарк. На хуторе работал один скотник, который ухаживал за 20 дойными коровами и вел строгий учет удоев, времени своей работы, еды, отдыха. Рабочий день его составлял 11 часов, работал он с 5.30 до 8 часов, далее с 9 до 12, с 14 до 16.30, с 17 до 20, принимал пищу пять раз в день: в 5 часов утра, в 8 часов (с 8 до 9 отдых), в 12 часов обед (отдых с 12 до 14), затем в 16 часов (с 16.30 до 17 отдых), ужин в 20 часов, отдых с 20 часов до 5 утра). Кроме того, в отчете работника есть сведения о рационе его питания — кофе с бутербродом, молоко с бутербродом, сладкий суп, жаркое или котлета, вареное мясо, молочный или хлебный суп, соленая рыба, молочная каша, отварной горох, капуста с мясом или свиной, селедка с картофелем [Там же: 215].

Работник нанимался на год (с 24 октября), получал квартиру (жилье), отопление, медицинскую помощь, сумму для уплаты государственной и общинной податей [Страна полуночного солнца... 1883. № 3: 213]. При полном содержании в 1870-е годы наемный работник в год получал 120–125 крон, в 1890-е годы — до 200 крон. Поденные рабочие получали 2–4 кроны в день [Черепов 1894: 208].

Среди крестьянского населения были и арендаторы, которых в Швеции насчитывалось до 40 000, т.е. было 38 % арендаторов и 62 % собственников земли, в Норвегии — 13 863 арендаторов, соответственно 15 % арендаторов и 85 % собственников. В аренду брались пахотные и луговые земли, аренда была долгосрочной, но не более чем на 50 лет. Рента взималась деньгами или натурой [Страна полуночного солнца... 1883. № 3: 217].

Во второй половине XIX в. Швеция и особенно Норвегия по причине красоты природы активно посещались английскими и американскими туристами, которые описывали свои путешествия в различных периодических изданиях. Часть этих публикаций легла в основу статей, опубликованных в России. Русские журналисты отмечали достаток бондов, их самостоятельность. Есть в них сведения о древних избах с руническими надписями, переходящих из рода в род.

Так, в одной из статей рассказывается о семье — потомках конунга Гаральда Гарфогера. Она владела двумя домами, один — постройки 1651 г., другой — 1781 г. Постоянными работниками в доме были семь женщин и пять мужчин. Семья сохраняла старинный уклад жизни. Соседняя ферма принадлежала брату хозяина, на ней изготовлялось для продажи масло и сыр. Летом на ферме работало до 50 поденщиков, круглый год служили девять женщин и двадцать мужчин. При усадьбе был конный завод (33 лошади). Но в публикации отмечена и бедная ферма: там в доме была только одна жилая комната [Там же: 220].

В Норвегии, в отличие от Швеции, в тот период насчитывалось больше сельских общин. Объяснялось это наличием значительного количества невозделанных земель, которые принадлежали нескольким семьям или приходам. В 1870-е годы в общинном пользовании здесь было около седьмой части земли [Там же: 216]. Естественным союзом крестьянской семьи являлся хутор, где проживали родственники. На центральном хуторе жила одна семья, от которой постепенно отделялись ветви. Старейший глава семьи отдавал усадьбу детям для ведения хозяйства, доживая жизнь самостоятельно в отдельном помещении. Родственники оставались совладельцами, и древние законы держали имущество в форме неразделенного семейного [К.М. 1886: 167–168].

Большое внимание русские авторы уделили системе образования в Швеции и Норвегии. Еще с XVII в. шведские короли — Карл IX, Густав Адольф, королева Кристина — способствовали развитию народного образования, и по закону от 1684 г. вплоть до 1874 г. шведская церковь должна была следить за состоянием общего образования. В XVIII в. родители, не посылавшие своих детей в школу, наказывались штрафом, и каждый ребёнок проходил экзамен [Михайлов 1874: 141].

В XIX в. в Швеции и Норвегии была чрезвычайно разветвленная сеть сельских школ. В 1842 г. в Швеции издан закон, по которому каждый ребенок должен ходить в общественную школу, в 1848 г. в Норвегии введено обязательное обучение с 8 до 15 лет, до прохождения конфирмации. В журнале «Отечественные записки» читателю были представлены подробные статистические данные о количестве школ, учеников, учителей, уровне образования учителей. В сельской местности школам отводились лучшие здания, где располагались библиотеки, гимнастические залы, зоологические и другие коллекции.

К сожалению, в данной статье нет возможности представить все данные о состоянии народного образования. Но необходимо отметить наличие в скандинавских странах двухлетних школ для детей фермеров. В этих учебных заведениях обучались основам земледелия, скотоводства, межевания, математики, земледельческой химии, метеорологии, ветеринарии и даже сельской архитектуры. Обучение было бесплатным, учащимся предоставлялось жилье. В специальных молочных школах учили изготовлению масла, сыра. После экзаменов в школе учащиеся возвращались на фермы родителей [Страна полуночного солнца... 1883. № 2: 537].

В журнале «Северный Вестник» читаем: «Процент безграмотных в скандинавских странах ни в одной стране не представляет такой минимальной величины» [К.М. 1886: 170]. В Норвегии функционировала сельскохозяйственная школа для взрослых, предназначенная для «сведущих земледельцев рабочих», которые были необходимы для хозяйств разного типа. К обучению привлекались ученые с естественных и медицинских факультетов университета. В Норвегии были и сельскохозяйственный институт в городе Осе, и высшая школа садоводства и огородничества в Христиании (название города Осло до 1905 г.) [Черепов 1894: 220].

Таким образом, в аграрном секторе северных стран работали хорошо образованные сельские жители, используя земледельческую технику различного типа (жатвенные машины, молотилки, картофелекопалки и др.), производимые

непосредственно в этих странах [Там же: 209]. Хутора объединялись в союзы, создавались молочно обрабатывающие, сыроварные заводы, заводы по производству сгущенного молока [Там же: 214].

Авторы конца XIX в. стремились довести до российского читателя сведения об условиях жизни крестьянина северных стран, где природные условия были близки к северо-западному району России.

Небезынтересно познакомиться с чертами характера северного крестьянина, представленными в этих публикациях. В статье путешественника С. Блэза читаем, что в Норвегии отмечалось социальное равенство, где чиновник — слуга, а не господин. В малочисленных дворянских усадьбах в этой стране не могли из крестьянина сделать хорошего лакея, поэтому вынуждены были выписывать на эту службу людей из Дании и Германии [Очерк Норвегии и Швеции... 1872: 10]. Основными чертами скандинавского крестьянина считались честность, простота нрава, трезвость, экономность, аккуратность, образованность, политическая самостоятельность, сознание равенства всех, трудолюбие, гостеприимство, учтивость [Страна полуночного солнца... 1883. № 3: 220]. Разумеется не каждый норвежец или швед были носителями всех этих черт, но в конце XIX в. значительная часть скандинавского крестьянства соответствовала данной характеристике.

Библиография

Португалов В. Аграрные отношения Швеции и Норвегии // Неделя. 1884. № 34. С. 1132–1137.

Михайлов А. Народное образование в Швеции и Норвегии // Дело. 1874. № 3. С. 122–150.

Черепов А.Р. Общий очерк сельского хозяйства в Норвегии // Журнал Министерства земледелия и Государственных имуществ. 1894. Т. CLXXV, отд. II. С. 201–222.

Очерк Норвегии и Швеции (из путешествия С. Блэза) // Всемирный путешественник. 1872. Сентябрь. С. 1–56.

К.М. Поездка к фьордам // Северный Вестник. 1886. № 10. С. 167–181.

Страна полуночного солнца и грамотных поселян // Отечественные записки. 1883. Т. CCLXI. № 2. С. 505–538.

Страна полуночного солнца и грамотных поселян // Отечественные записки. 1883. Т. CCLXII. № 3. С. 211–235.